

Научная статья

УДК 314.7

<https://doi.org/10.37493/2308-4758.2025.3.4>

НОВЕЙШИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИИ

Иван Алексеевич Соловьев^{1*},
Юлия Федоровна Зольникова²,
Данил Геннадьевич Акинин³

^{1,2,3} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ soloivan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2150-7284>

² zolnst@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-8216-225X>

³ stavguide.info@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-7025-2303>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация.

Статья посвящена актуальной проблеме миграции населения как важного фактора демографического и социально-экономического развития России. В исследовании, основанном на данных официальной статистики за 2020–2024 годы, выявлены основные тенденции и факторы миграции населения в городах, а также временные и региональные особенности миграционного прироста, в т.ч. показано влияние фактора пандемии ковида 19 на изменение миграционной ситуации. Помимо традиционных (сравнительно-географического, картографического) методов исследования, в работе использовался геоинформационный инструментарий. Картографические произведения разработаны посредством геоинформационной платформы QGIS (Quantum GIS). База геоданных сформирована в программе Microsoft Excel. Статистической основой картографических материалов являются коэффициенты миграционного прироста регионов России в 2020–2024 гг., а также устойчивость миграционного прироста / убыли населения. Определены наиболее аттрактивные / неаттрактивные для мигрантов регионы России. Наиболее привлекательными для мигрантов выступают самые успешные в социально-экономическом развитии субъекты Российской Федерации – Москва и Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская и Тюменская области, Краснодарский край и др. Основными регионами-донорами в миграционном обмене выступает большинство регионов Крайнего Севера и Дальнего Востока, а также рес-

публики СКФО. Данная тенденция будет приводить к ослаблению демографического потенциала полупериферийных и периферийных регионов России. Новейшими тенденциями региональных особенностей миграции населения выступают рост миграционной привлекательности регионов Крайнего Севера и Азиатской части России, а также значительное увеличение ареала территорий с миграционным приростом в 2023–2024 гг., что обусловлено усилением роли социально-экономического и демографического факторов развития России.

Ключевые слова: миграция населения, факторы миграции, городское население, региональные особенности, Россия

Для цитирования: Соловьев И. А., Зольникова Ю. Ф., Акинин Д. Г. Новейшие региональные особенности миграции населения в городской местности России // Наука. Инновации. Технологии. 2025. № 3. С. 97–122. <https://doi.org/10.37493/2308-4758.2025.3.4>

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-27-00057, <https://rscf.ru/project/25-27-00057/>

Конфликт интересов: доктор географических наук, доцент Соловьев Иван Алексеевич является ответственным секретарем и членом редакционной коллегии журнала «Наука. Инновации. Технологии». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Статья поступила в редакцию 01.05.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 19.09.2025.

1.6.13. Economic, Social, Political and Recreational Geography (Geographical Sciences)

Research article

The latest regional features of population migration in urban areas of Russia

Ivan A. Soloviev^{1*},
Julia F. Zolnikova²,
Danil G. Akinin³

^{1, 2, 3} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ soloivan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2150-7284>

² zolnst@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-8216-225X>

³ stavguide.info@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-7025-2303>

* Corresponding author

- Abstract.** The article studies population migration as an important factor in the demographic and socio-economic development of Russia. The study is based on official statistics for 2020-2024 and specifies the main trends and factors of urban population migration, as well as temporal and regional features of migration growth, including the impact of the COVID-19 pandemic factor on the change in the migration. In addition to traditional comparative geographical and cartographic research methods, the work used geoinformation tools. Cartographic works were developed using the QGIS (Quantum GIS) geoinformation platform. The geodatabase was formed in Microsoft Excel. The statistical basis of the cartographic materials is the coefficients of migration growth of the regions of Russia in 2020-2024, as well as the stability of migration growth/decline of the population. The most attractive/unattractive regions of Russia for migrants are identified. The most appealing for migrants are the most successful in socio-economic development subjects of the Russian Federation, namely Moscow and St. Petersburg, Moscow, Leningrad and Tyumen regions, Krasnodar Krai, etc. The main donor regions in migration exchange are most of the regions of the Far North and the Far East, as well as the republics of the North Caucasus Federal District. This trend will lead to weakening of the demographic potential of semi-peripheral and peripheral regions of Russia. The latest trends in regional features of population migration are the growth of migration attractiveness of the regions of the Far North and the Asian part of Russia and a significant increase in the number of territories with migration growth in 2023-2024, which is due to the increasing role of socio-economic and demographic factors in the development of Russia.
- Keywords:** population migration, migration factors, urban population, regional characteristics, Russia
- For citation:** Soloviev IA, Zolnikova JuF, Akinin DG. The latest regional features of population migration in urban areas of Russia. *Science. Innovations. Technologies.* 2025;(3):97-122. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2308-4758.2025.3.4>
- Funding:** the study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 25-27-00057, <https://rscf.ru/project/25-27-00057/>
- Conflict of interest:** Ivan A. Soloviev, Dr. Sci. (Geogr.), Associate Professor, is the executive secretary and member of Editorial Board of journal "Science. Innovations. Technologies". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

The article was submitted 01.05.2025;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 19.09.2025.

Введение

В связи с высокой значимостью миграции населения в социально-экономическом развитии России проведение пространственного анализа современных миграционных процессов в городской местности является одной из актуальных проблем. Необходимость данного исследования также диктуется «аномальностью» миграционных процессов первого года пандемии (2020) ковида и СВО (2022), что привело к региональным «сдвигам» миграционных потоков.

Изучаемая тематика продолжает оставаться острой и актуальной, несмотря на большое количество научных работ российских и зарубежных исследователей в этой области. Одно из значимых направлений в исследовании миграции населения – это изучение миграционных процессов в городах. По результатам большинства исследований отмечается тенденция оттока населения из периферийных регионов и малых городов в крупные административные центры, мегаполисы, крупные города и их пригороды, при этом миграции населения являются главными факторами роста населения ряда таких городов в условиях депопуляции.

Миграционные процессы в городах во многих зарубежных исследованиях рассматриваются в рамках концепции ступенчатой миграции, и крупные города выступают верхними этажами в перемещении населения. Так, Ньюболд К.Б. оценил масштабы, интенсивность и направление перемещения населения вверх и вниз по городской иерархии Канады, которая по большей части осуществляется ступенчатым образом и зависит от возраста населения [1]. Коцубо М. и Накая Т. исследуя особенности внутренней миграции в Японии выявили, что преобладала восходящая миграция – перемещение с более низких уровней городской иерархии на более высокие [2]. Подобные исследования проводились и в Китае: изучалась взаимосвязь между социально-экономическим статусом мигрантов и их географической мобильностью в рамках городской иерархии [3]; рассматривалась пространственная структура и факторы, влияющие на намерение перемещающегося из города в город населения расселиться в Китае [4]. Ридевский Г.В. отмечает, что миграция населения – главный фактор роста населения большинства городских агломераций в Беларуси. Наиболее активно в стране развива-

ется Минская городская агломерация, в которой концентрируется более половины миграционного прироста населения всех белорусских городов и районов [5].

Российские работы по исследованию миграции в городах затрагивают разные аспекты. Этой проблемой занимаются географы, социологи, экономисты, демографы, историки и другие специалисты.

В статьях Гониной Н.В., Дашинамжилова О.Б., Иванова И.С. миграция рассматривается как основной источник формирования городского населения в ряде регионов РФ во второй половине XX в. [6; 7; 11]. Гонтарь Н.В. считает, что миграционный приток – один из факторов смягчения депопуляции в Ростове-на-Дону и ряде наиболее значимых городов Ростовской области. Но в большинстве городов миграции не смогли компенсировать естественную убыль [9]. Тиникова Е.Е. на примере Республики Хакасия выявляет, что качество социальной инфраструктуры городских поселений не является доминирующим фактором миграции населения. Наиболее значимыми являются факторы материального достатка [10].

Некоторые отечественные исследования по изучению особенностей внутренней миграции были проведены на примере отдельных городов и агломераций России. В таких работах изучаются тенденции миграционных процессов, география прибытия и выбытия, структура миграционных потоков по социально-демографическим характеристикам, миграция рассматривается как фактор социально-экономического развития города и др. [11; 12; 13; 14; 15].

Значительное внимание в исследованиях последних лет уделяется миграционным процессам в городах с разной численностью населения. Крупные города, мегаполисы в таких работах выступают как территории, притягивающие мигрантов. В исследованиях отмечается, что население России стягивается из периферийных территорий и концентрируется в отдельных центрах – крупных городах и их пригородах, обеспечивая их рост и повышая долю проживающего в них населения [16; 17; 18]. В работах Петухова Н.А., Петухова Н.А. и Горидько Н.П. говорится, что города имеют большую миграционную привлекательность из-за больших возможностей для реализации трудового потенциала, особенно привлекательны крупные города; рассчитываются коэффициенты привлекатель-

ности крупных городов на основе ряда показателей [19; 20]. Вместе с тем острой остается проблема миграции населения в малых городах, которые теряют население в результате миграции. В исследованиях Бедретдиновой Е.О., Роговой А.В. и Левченко Н.В., Логиновой Л.В. выявляются причины и проблемы миграции из малых городов; анализируются факторы возвратной миграции [21; 22; 23].

Несмотря на большое количество работ по различным аспектам миграции населения в городах, картографические материалы в таких исследованиях представлены слабо. В статье Ридевского Г.В. содержится несколько карт, в т. ч. карта «Распределение городов и районов Республики Беларусь по миграционному росту и миграционной убыли населения за период 2011–2018 гг.» [5]. Картограммы, связанные с изучением миграционной привлекательности городов – административных центров РФ, разработаны в работе Петухова Н.А., в т. ч. «Распределение городов – административных центров Российской Федерации по величине коэффициента миграционного прироста на 10000 человек населения в 2015 году», «Распределение городов – административных центров Российской Федерации по величине коэффициента привлекательности города в 2015 году» [24].

Таким образом, несмотря на значительное число научных работ в данном направлении, отмечается недостаток исследований, затрагивающих новейшие тенденции региональных особенностей миграции городского населения в России.

Материалы и методы исследований

Информационной основой исследования являются данные Росстата за 2019–2024 гг., которые извлечены из статистического сборника «Численность и миграция населения Российской Федерации»¹, а также ЕМИСС².

На основе официальной оценочной статистики была создана база геоданных регионального уровня (субъекты РФ).

Статистической основой базы геоданных являются следующие расчетные показатели³:

- численность городского населения субъектов РФ в 2020–2024 гг. на начало года (тыс. чел.);
- миграционный прирост/убыль городского населения субъектов РФ в 2019–2024 гг. (чел.);

- коэффициенты миграционного прироста/убыли городского населения субъектов РФ в 2020–2024 гг. (‰);
- устойчивость миграционного прироста/убыли федеральных округов и субъектов РФ в 2020–2024 гг.

Таким образом, информационная основа позволила провести анализ миграционной ситуации в городской местности России, максимально приближенной к современности.

Для визуализации статистических данных была разработана карта России с обозначением субъектов РФ, соседних государств, островов и омывающих территорию страны морей (масштаб 1: 30 000 000).

Картографическая основа использовалась для создания картограммы по устойчивости миграционного прироста/убыли (соотношение количества лет с миграционным приростом и миграционной убылью) и коэффициентам миграционного прироста в 2020–2024 гг. (в ‰). Шкала коэффициентов миграционного прироста/убыли имеет ступенчатые интервалы значений (10,00‰ и более; 5,00–9,99‰; 1,00–4,99‰; 0,01–0,99‰; -0,01 – -0,99‰; -1,00 – -4,99‰; -5,00 – -9,99‰; -10,00‰ и менее).

Результаты исследований и их обсуждение

Новейшие тенденции миграции городского населения в России характеризуются разнонаправленной динамикой результативности (рис. 1). В последний «предковидный год» (2019) большая часть субъектов РФ испытывали миграционный прирост, что является свидетельством миграционной аттрактивности городской местности в России при протекании привычных социально-экономических процессов [16].

1. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020, 2021, 2022, 2023 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 13.03.2025)
2. Миграционный прирост населения по городам с числом жителей 100 тыс. человек и более. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36719> (дата обращения: 13.03.2025); Численность постоянного населения на 1 января. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 13.04.2025)
3. Отсутствуют данные по ЛНР, ДНР, Запорожской, Херсонской областям и Ингушетии.

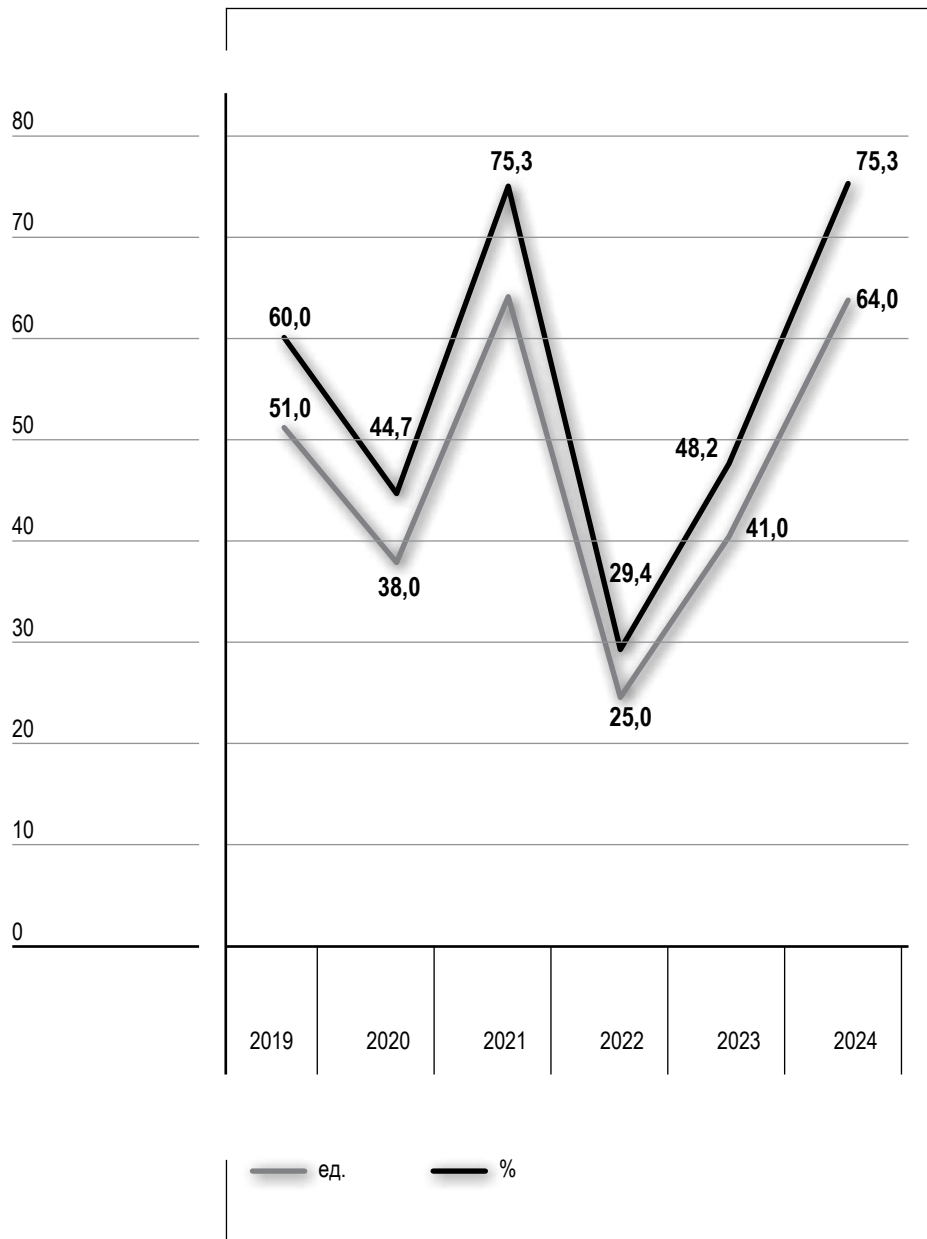
Рис. 1.**Число и доля регионов России с миграционным приростом в 2019–2024 гг.**

Fig. 1. Number and share of Russian regions with migration growth in 2019–2024

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Пандемия ковида нарушила привычное течение миграции, приведя к резкому снижению привлекательности городского населения. В 2020 г. миграционный прирост в городской местности отмечался только в 45% регионов страны (рис. 1). Однако в следующем году, по мере постепенной адаптации к пандемии, отмечался высокий рост (на 30,6%) доли регионов России с миграционным приростом городской местности.

Следующим «аномальным» годом стал 2022 г., когда в связи с известными событиями отмечался отток населения за границу. При этом доля территорий с миграционным приростом городского населения снизилась в 2,6 раза (до 29,4%). В течение последующих лет, в условиях роста ВВП и обострения дефицита трудовых ресурсов, произошло постепенное восстановление миграционной аттрактивности городского населения регионов России, которая превысила показатель 2019 года и отмечалась на высоком уровне (рис. 1).

Важным фактором пространственной дифференциации миграционного прироста/убыли городской местности регионов России, выступает уровень социально-экономического развития (по данным рейтинга российского информационного агентства «РИА Новости»⁴). Корреляционные расчеты показали наличие прямой слабой или умеренной связи между уровнем социально-экономического развития территорий и миграционным приростом. Наименее значимая статистическая связь отмечалась в первые два года пандемии (2020–2021) и в 2023 году (рис. 2). В 2022 г. расчеты зафиксировали умеренную корреляционную связь, а в 2024 г. она достигла максимального значения.

К наиболее привлекательным для мигрантов в России относятся Северо-Западный и Южный федеральные округа, в большинстве регионов которых в 4 из 5 годов рассматриваемой пятилетки

4. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2020 г. <https://riarating.ru/regions/20210531/630201367.html>; Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 г. <https://riarating.ru/infografika/20220516/630222174.html>; Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 г. <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html>; Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2023 г. <https://riarating.ru/infografika/20240610/630264277.html>; Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2024 г. <https://riarating.ru/infografika/20250623/630282378.html>

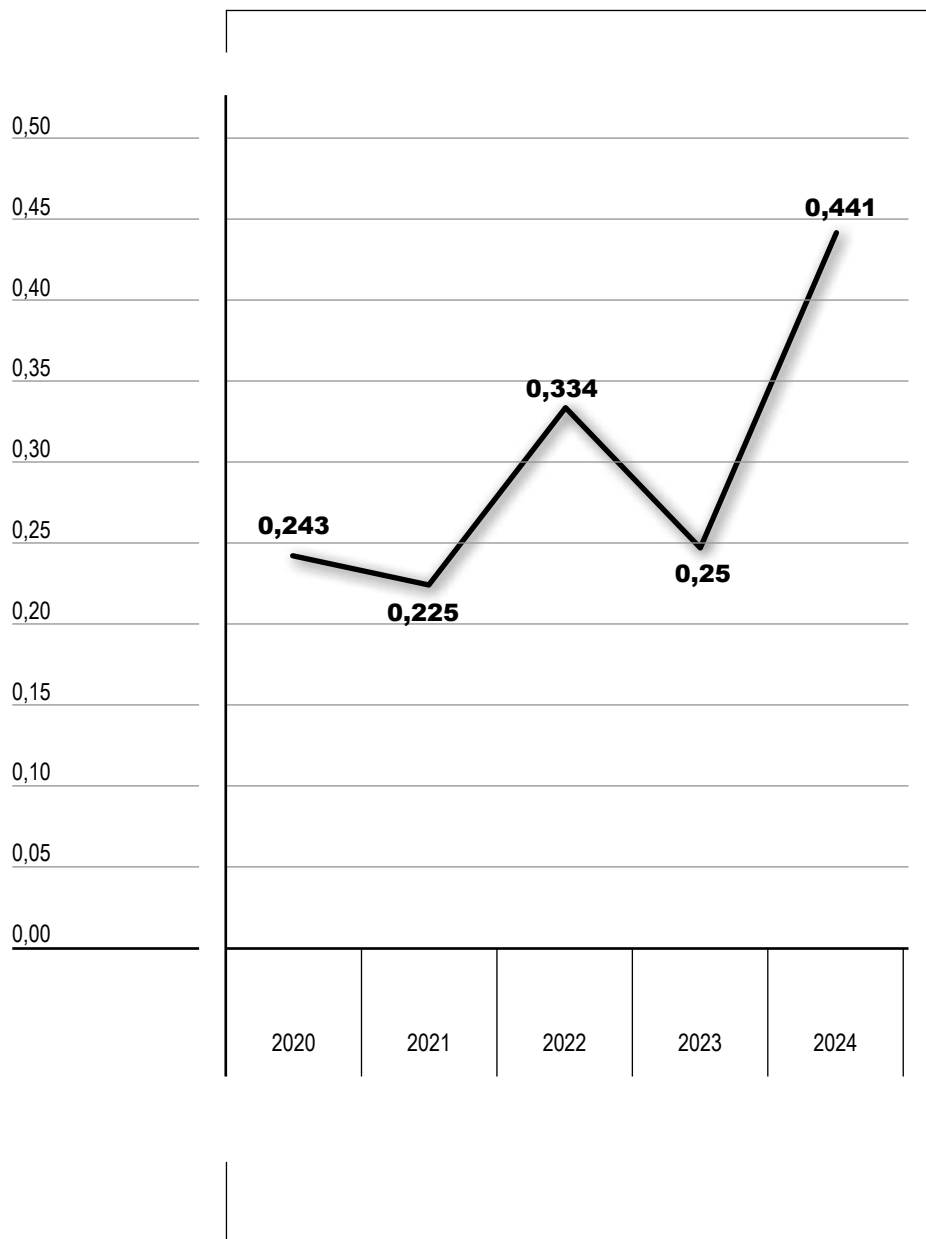

Рис. 2.

Коэффициенты ранговой корреляции зависимости миграционного прироста/убыли городской местности от социально-экономического развития регионов РФ в 2020–2024 гг.

Fig. 2. Rank correlation coefficients of the dependence of migration increase/decrease urban area on the socio-economic development of the regions of the Russian Federation in 2020–2024.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СУБЪЕКТОВ С МИГРАЦИОННЫМ ПРИРОСТОМ ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТИ ПО ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГАМ РФ В 2020–2024 ГГ.
Table 1. Distribution of the subjects with migration growth urban area by federal districts of the Russian Federation in 2020–2024

	2020 г.		2021 г.		2022 г.		2023 г.		2024 г.	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Северо-Западный федеральный округ	7	63,6	9	81,8	5	45,4	7	63,6	6	54,5
Южный федеральный округ	5	62,5	6	75,0	2	25,0	6	75,0	5	62,5
Уральский федеральный округ	3	50,0	5	83,3	2	33,3	4	67,6	6	100,0
Центральный федеральный округ	8	44,4	15	83,3	6	33,3	7	38,9	14	77,8
Приволжский федеральный округ	7	50,0	11	78,6	3	21,4	7	50,0	12	85,7
Сибирский федеральный округ	4	40,0	7	70,0	4	40,0	4	40,0	8	80,0
Дальневосточный федеральный округ	1	9,1	6	54,5	1	10,0	4	36,4	9	81,8
Северо-Кавказский федеральный округ	2	33,3	4	66,7	0	0,0	1	16,7	3	50,0

Источник: составлено авторами.
Source: compiled by the authors.

(2020–2024 гг.) отмечалась положительная результативность миграции городской местности. Исключение составил 2022 год (табл. 1).

Далее по привлекательности для мигрантов идет Уральский федеральный округ, для которого было характерно разнонаправлен-

ное сальдо миграции городского населения, с преобладанием регионов испытывающих миграционный прирост. Исключение составили 2020 и 2022 годы, когда этот показатель составил 50% (табл. 1).

Разнонаправленная миграционная результативность с преобладающей миграционной убылью городского населения регионов отмечалась в половине федеральных округов России (Центральном, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном). Из них в Приволжском округе сложилась ситуация в 2020 и 2023 гг., когда была зафиксирована равная доля регионов с миграционным приростом и оттоком населения (табл. 1).

Преобладающая миграционная убыль горожан присуща только городской местности регионов Северо-Кавказского федерального округа. Исключение составил второй «пандемийный» год (2021), во время которого фиксировалась обратная миграция населения, обусловившая в более 2/3 субъектов округа миграционный прирост (табл. 1).

Сопоставление количества лет с миграционным приростом и оттоком населения позволило сгруппировать регионы России по устойчивости этого показателя в рассматриваемой пятилетке (2020–2024 гг.): 1). Устойчивый миграционный прирост (в течение всей пятилетки); 2.) Доминирование периода с миграционным приростом; 3). Доминирование периода с миграционной убылью; 6). Устойчивая миграционная убыль (в течение всей пятилетки).

В первую группу входят самые attractive территории страны в миграционном отношении. Устойчивый миграционный прирост городской местности зафиксирован в 16,7% регионов страны. К ним относятся обе столицы (Москва и Санкт-Петербург), «пристоличные» регионы (Калужская, Ленинградская и Московская области), передовые субъекты РФ в социально-экономическом развитии (Новосибирская, Тюменская обл., ХМАО, Краснодарский и Красноярский края), «растущие» территории за счет внутренних демографических ресурсов (Кировская, Костромская обл. и Марий Эл) (рис. 3).

Вторую группу (преобладающий миграционный прирост) составляют регионы «второго эшелона» миграционной attractiveness, в которых отмечался только один год с отрицательным сальдо миграции городской местности. В группу входит около трети (32,1%) регионов России. Наиболее высокие коэффициенты мигра-

ционного прироста фиксировались в отдельные годы пятилетки в Севастополе, Ненецком АО, Якутии, ЯНАО (рис. 4–8). В последних трех территориях одни из самых высоких уровней зарплат, что обуславливает тенденцию роста миграционной привлекательности регионов Крайнего Севера. Менее интенсивный миграционный прирост наблюдался в регионах основной полосы расселения, среди которых находятся возглавляемые городами-миллионерами, высокоиндустриальные Башкортостан, Ростовская и Свердловская области. К этой группе относится самый аттрактивный для мигрантов регион СКФО – Ставропольский край, что объясняется в т.ч. преобладанием русского населения и соседством к республикам Юга России, откуда продолжается отток населения.

Третью группу регионов России составляют территории со средней и низкой миграционной привлекательностью городской местности. Это наиболее представительная группа, в которую входит 45,2% субъектов РФ. Сюда относятся и некогда одни из самых аттрактивных для мигрантов приграничные регионы – Белгородская и Воронежская области, миграционная привлекательность которых ухудшилась, из-за событий на Украине (рис. 5–8). Отрицательная результативность миграции превышала положительную в следующих регионах: Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Архангельской, Псковской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Курганской, Челябинской, Томской, Сахалинской областях, Карачаево-Черкесии, Чувашии, Мордовии, Удмуртии, Пермском, Приморском краях и др. (рис. 4). В четвертую группу входят многие регионы Крайнего Севера, что свидетельствует о заметном влиянии на миграционную картину природного фактора. Города Адыгеи теряют население в миграционном обмене с Краснодарским краем. К непривлекательным для мигрантов относится Липецкая область (рис. 4–8). В первой из них отмечается отток населения из региональной столицы в пригородные сельские территории.

Четвертая группа включает около 6% регионов России, для которых характерна устойчивая миграционная убыль населения. Как правило, это национальные автономии СКФО – Северная Осетия-Алания и Чечня, Европейского Севера – Коми, и Азиатской России – Бурятия. Исключение составляет Орловская область.

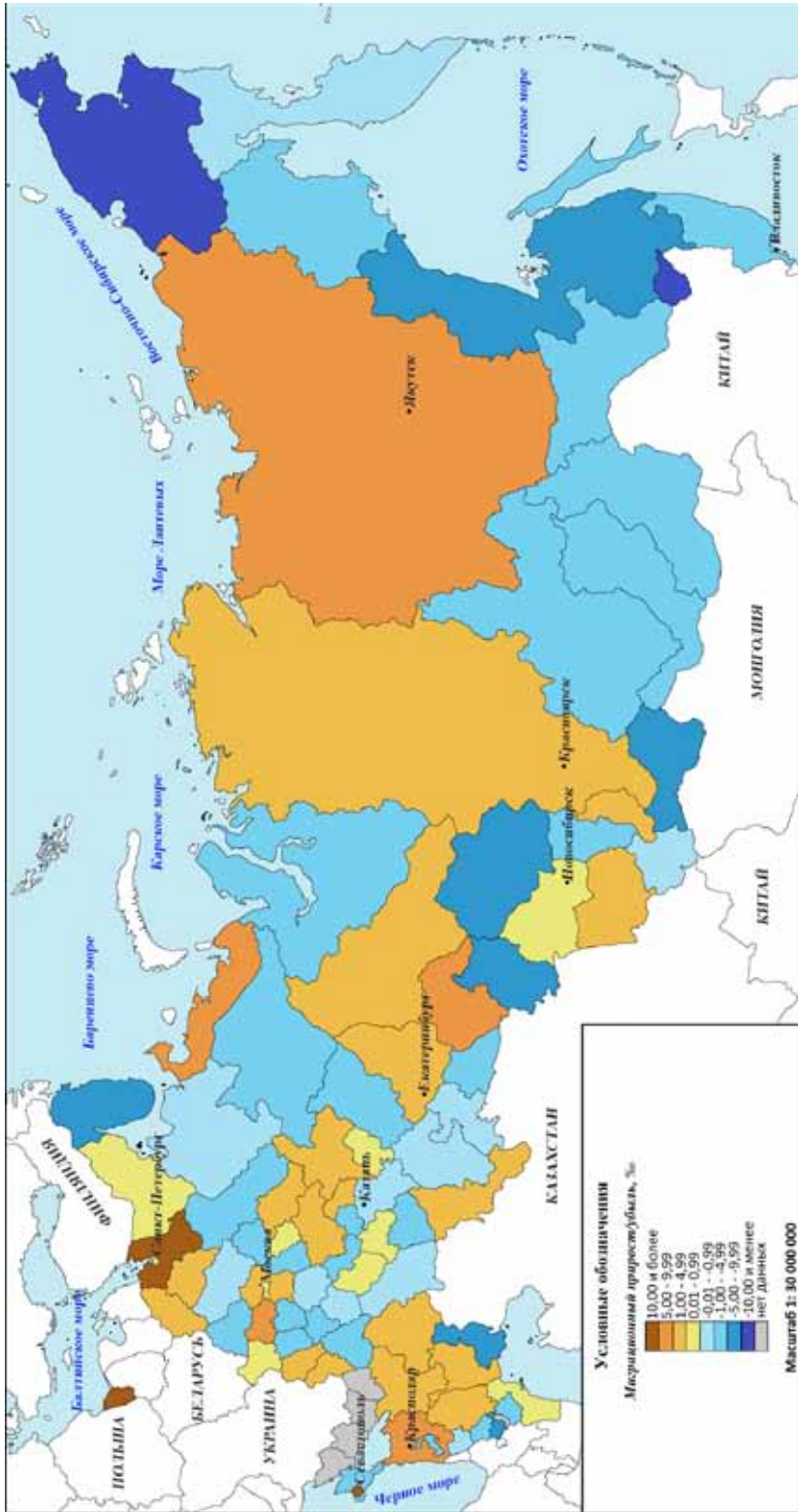

Рис. 4. Миграционный прирост городской местности регионов России в 2020 г.
Fig. 4. Migration growth of the urban population of the regions of Russia in 2020
Источник: составлено авторами. Source: compiled by the authors.

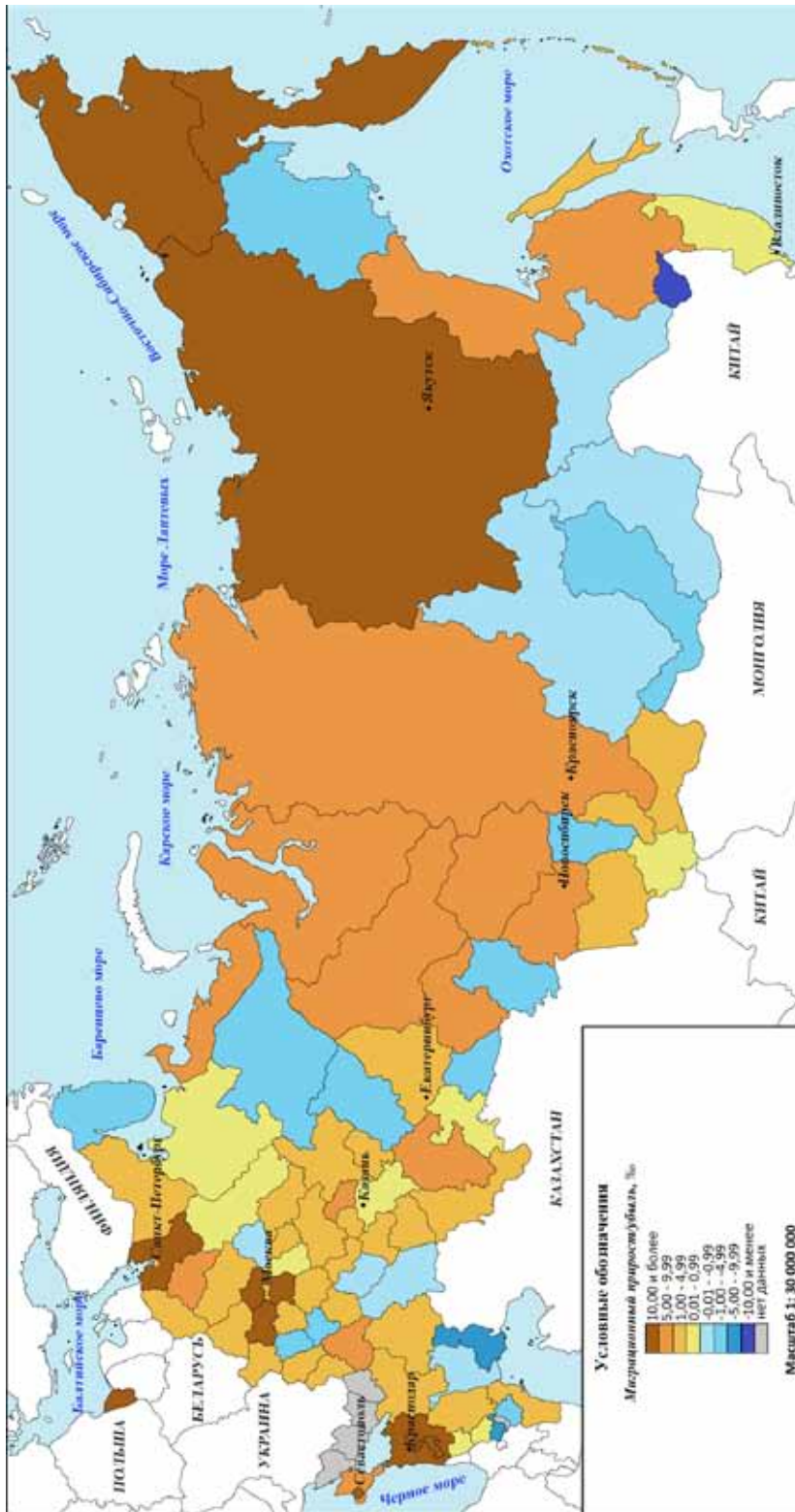

Рис. 5. Миграционный прирост городской местности регионов России в 2021 г.
Fig. 5. Migration growth of the urban population of the regions of Russia in 2021
Источник: составлено авторами. Source: compiled by the authors.

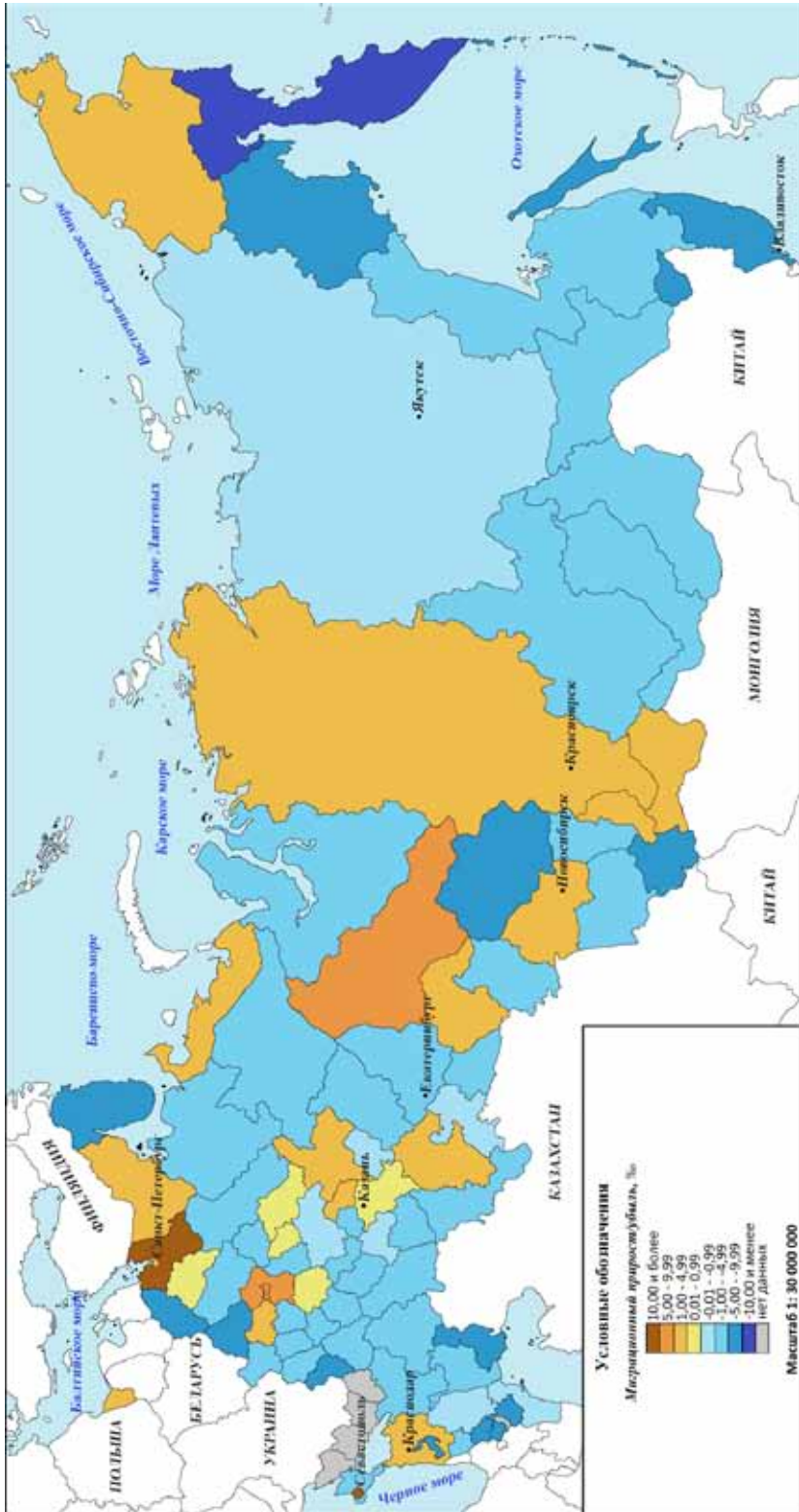

Рис. 6. Миграционный прирост городской местности регионов России в 2022 г.

Fig. 6. Migration growth of urban population of Russian regions in 2022

Источник: составлено авторами. Source: compiled by the authors.

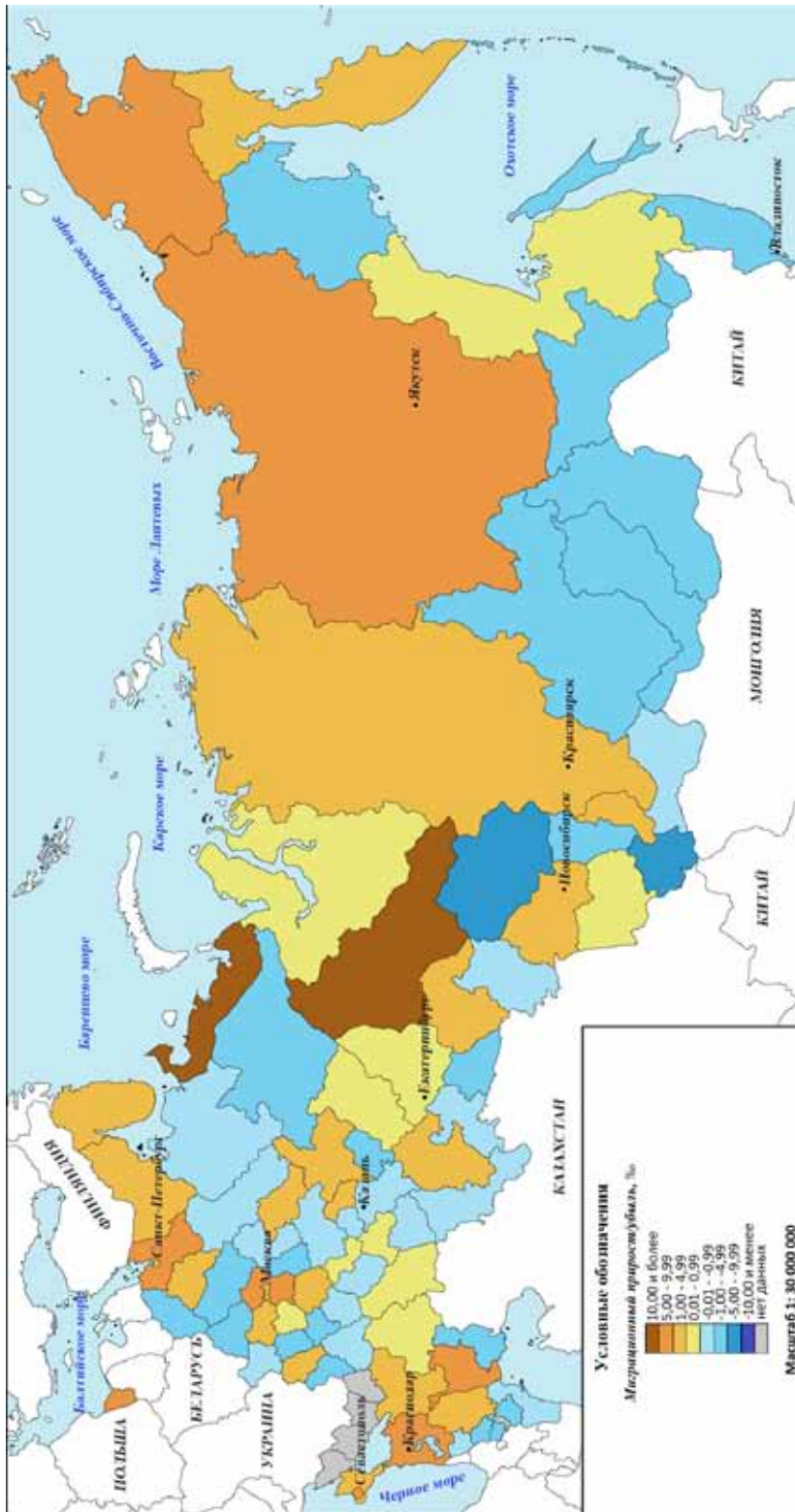

Рис. 7.

Миграционный прирост городской местности регионов России в 2023 г.

Fig. 7. Migration growth of urban population of Russian regions in 2023

Источник: составлено авторами. Source: compiled by the authors.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. В условиях не завершенности урбанизационных процессов наблюдается миграционная аттрактивность населения городской местности большинства регионов России.
2. Пространственную дифференциацию миграционной результативности определяет социально-экономическое развитие, пандемия, природный и демографический факторы и др. Наибольшая статистическая связь социально-экономического развития и миграционного прироста отмечалась в 2024 г., когда отмечался росте дефицита трудовых ресурсов.
3. В городской местности большинства регионов отличается миграционной привлекательностью городской местности в Северо-Западном, Южном и Уральском федеральных округах, где расположены важнейшие регионы-реципиенты для мигрантов (Санкт-Петербург, Тюменская, Калининградская и Ленинградская обл., ХМАО, Краснодарский край и Севастополь). В Центральном федеральном округе главными миграционными «магнитами» выступают Москва и «пристоличные» регионы – Московская и Калужская области. Миграционной привлекательностью выделяются в Приволжском федеральном округе – Кировская область и Марий Эл, в Северо-Кавказском федеральном округе – Ставропольский край, в Сибирском федеральном округе – Красноярский край и Новосибирская область, в Дальневосточном федеральном округе – Якутия.
4. К новейшим тенденциям региональных особенностей относится рост миграционной привлекательности городской местности регионов Крайнего Севера и Азиатской части России, чего не отмечалось (за исключением Тюменской обл.) со времен СССР. Возможно, что мы наблюдаем начало «слома» не-

гитивных тенденций обусловленных переменами 1990-х гг., которые привели к западному «дрейфу» населения в России.

5. Большая часть регионов Центрального, Сибирского, Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов имеют низкую среднюю и низкую миграционную привлекательность городской местности, что выражается в неустойчивости миграционного прироста или устойчивости оттока населения. Ареал неаттрактивных регионов входит большинство территорий Европейского Севера, нечерноземной полосы Центральной России, Центрального Черноземья, Среднего Поволжья, северокавказских республик, Юга Сибири и Дальнего Востока, что свидетельствует о важности географического положения территорий в системе «центр-периферия».

Список источников

1. Newbold K. B. Migration Up and Down Canada's Urban Hierarchy // Canadian Journal of Urban Research. 2011. No. 20 (1). P. 131–149.
2. Kotsubo M., Nakaya T. Moving up and down the urban hierarchy: Age-specific internal migration patterns in Japan based on the 2020 census. Population, Space and Place, 2024. DOI:10.1002/psp.2786. Web resource: <https://www.researchgate.net/publication/382073315> (accessed 16.03.2025)
3. Mu X., Cui C., Cui J. Migration up and down the urban hierarchy: The mediating effects of geographic mobility on migrants' homeownership, 2023. No. 29(1). DOI: 10.1002/psp.2663. Web resource: <https://www.researchgate.net/publication/370933241> (accessed 16.03.2025)
4. Wang X., Qi W., Liu S. et al. The settlement intention of urban-to-urban migrants in China: Spatial differences and driving factors // Journal of Geographical Sciences. 2022. No. 32 (12). P. 2503–2524. DOI: 10.1007/s11442-022-2058-6
5. Ридевский Г.В. Влияние агломерационных процессов на внутреннюю миграцию в Республике Беларусь // Социальные новации и социальные науки. 2024. № 1. С. 101–114. URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/> DOI: 10.31249/snsn/2024.01.06.
6. Гонина Н. В. Влияние миграционных процессов на формирование го-

- родского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 28–34. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-28-34
7. Дашинамжилов О. Б. Роль миграций в формировании населения городов Омской области в контексте хозяйственного освоения востока страны в 1960-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 154–162. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-14.pdf>
 8. Иванов И. С. Роль сельской миграции в формировании городского населения в Улан-Удэ (1950-1970-е гг.) // Вестник Бурятского университета. 2011. № 7. С. 148–151.
 9. Гонтарь Н. В. Миграционный фактор динамики городского населения Ростовской области // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Десятые Максаковские чтения». М.: Сам Полиграфист. 2024. С. 196–205.
 10. Тиникова Е. Е. Социальная инфраструктура городов Хакасии – фактор миграции населения? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 36–42. DOI: 10.24866/1998-6785/2023-4/36-42.
 11. Васильева Е. Н., Данилова Е. О. Социально-экономическая активность мигрантов в пространстве города Волгограда и Волгоградской области // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. Т. 21. № 7 (167). С. 62–65.
 12. Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Поляризация пространства Центрально-Российского мегалополиса и мобильность населения // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 5. С. 77–85.
 13. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Миграционный фактор социально-экономического развития Воркутинского городского округа – опорной зоны Российской Арктики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2018. № 4. С. 66–81.
 14. Соловьев И. А., Зольникова Ю. Ф., Чихичин В. В., Овсянников Е. И. Демографические и миграционные процессы в Воронежской городской агломерации // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления: материалы V всероссийской межведомственной научно-практической конференции с международным участием. Воронеж: Издательство «Цифровая полиграфия». 2022. С. 129–137.
 15. Ахметова Г. Ф. Тренды миграции в городе Уфе: историческая ретрос-

- пектива и современность // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 5. С. 147–154. DOI: 10.34773/EU.2024.5.25.
16. Нефедова Т. Г. Миграционная привлекательность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. №2. С. 106–135.
 17. Мкртчян Н. В., Гильманов Р. И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. № 68 (1). С. 44–63. DOI: 10.21638/spbu07.2023.103.
 18. Мкртчян Н. В. Стягивание населения России в крупные города и их пригороды // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2 (63). С. 241–248. DOI: 10.31737/22212264_2024_2_241-248.
 19. Петухов Н. А. Преимущества крупных городов при миграции населения // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2017. № 3. С. 125–130.
 20. Петухов Н. А., Горидько Н. П. Миграционная привлекательность крупных российских городов // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2017. № 4. С. 156–165.
 21. Бедретдинова Е. О. Социально-экономические последствия миграции для развития малых городов // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2013. № 2. С. 37-42.
 22. Роговая А. В., Левченко Н. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодежи из малых городов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 23–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/23-33.
 23. Логинова Л. В. Потенциал возвратной миграции молодых россиян в малые города. Научные исследования: проблемы и перспективы развития // Сборник статей по материалам Всероссийской национальной научно-практической конференции. Саратов, 2024. С. 119–122.
 24. Петухов Н. А. Миграционная привлекательность городов – административных центров Российской Федерации // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2018. № 4. С. 8–15.

References

1. Newbold KB. Migration Up and Down Canada's Urban Hierarchy. Canadian Journal of Urban Research. 2011;20(1):131-149.
2. Kotsubo M, Nakaya T. Moving up and down the urban hierarchy: Age-specific internal migration patterns in Japan based on the 2020 census. Population, Space and Place. 2024. DOI:10.1002/psp.2786. Web resource: <https://www.researchgate.net/publication/382073315> (accessed 16.03.2025)
3. Mu X, Cui C, Cui J. Migration up and down the urban hierarchy: The

- mediating effects of geographic mobility on migrants' homeownership. 2023;29(1). DOI: 10.1002/psp.2663. Web resource: <https://www.researchgate.net/publication/370933241> (accessed 16.03.2025)
4. Wang X, Qi W, Liu S et al. The settlement intention of urban-to-urban migrants in China: Spatial differences and driving factors. *Journal of Geographical Sciences*. 2022;32(12): 2503-2524. DOI: 10.1007/s11442-022-2058-6
 5. Ridevsky GV. The influence of agglomeration processes on internal migration in the Republic of Belarus. *Social innovations and social sciences*. 2024;(1): 101-114. [Available online:] <https://sns-journal.ru/ru/archive> DOI: 10.31249/snsn/2024.01.06. (in Russ.).
 6. Gonina NV. Influence of migratory processes on formation of urban population in Krasnoyarsk krai in the second half of the 1950s – early 1980s. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2016;(4); 28-34. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-28-34 (in Russ.).
 7. Dashinamzhirov OB. The Role of Migration in the Formation of Urban Populations of the Omsk region in the context of the economic development of the East of the country in the 1960s. *Historical Courier*. 2021;4(18):154-162. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-14.pdf> (in Russ.).
 8. Ivanov IS. The role of rural migration formation of the urban population in Ulan-Ude (1950-1970s). *Bulletin of the Buryat University*. 2011;(7):148-151. (in Russ.).
 9. Gontar NV. Migration factor of urban population dynamics in the Rostov region. *Socio-economic geography: theory, methodology and teaching practice: Materials of the All-Russian scientific and practical conference «The Tenth Maksakov Readings»*. Moscow: OOO «Sam Polygraphist», 2024. P. 196-205. (in Russ.).
 10. Tinikova E.E. Social infrastructure of towns in Khakassia – factor of population migration? *Ojkumena. Regional researches*. 2023;(4):36–42. DOI: 10.24866/1998-6785/2023-4/36-42. (in Russ.).
 11. Vasileva EN, Danilova EO. Social and economic activity of migrants in space of the city of Volgograd and the Volgograd region. *Proceedings of the Volgograd State Technical University. Series: Problems of social and humanitarian knowledge*. 2015;21(7):62-65. (in Russ.).
 12. Makhrova AG, Nefedova TG, Treivish AI. The Central Russian megalopolis: polarization of space and population mobility. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*. 2016;(5):77-85. (in Russ.).
 13. Fauzer VV, Lytkina TS, Smirnov AV, Fauzer GN. Migration factor of socio-economic development of Vorkuta urban district as a supporting zone of the Russian Arctic. *Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Scientific Research Center for*

- Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University. 2018;(4):66-81. (in Russ.).
14. Soloviev IA, Zolnikova JuF, Chikhichin VV, Ovsyannikov EI. Demographic and migration processes in the Voronezh urban agglomeration. Municipalities of the regions of Russia: problems of research, development and management: proceedings of the V All-Russian Interdepartmental Scientific and practical conference with international participation. Voronezh: Digital Polygraphy Publishing House; 2022. P. 129-137. (in Russ.).
 15. Akhmetova GF. Migration trends in Ufa: historical retrospect and modernity. Economics and Management: a scientific and practical journal. 2024;(5):147-154. DOI: 10.34773/EU.2024.5.25. (in Russ.).
 16. Nefedova TG. Migration attractiveness of cities as an indicator of transformation of post-Soviet urban space of Russia. Science. Innovations. Technologies. 2014;(2):106-135. (in Russ.).
 17. Mkrtchyan NV, Gilmanov RI. Big cities of Russia and their suburbs as centers of attraction of internal migrants. Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences. 2023;68(1):44-63. DOI: 10.21638/spbu07.2023.103. (in Russ.).
 18. Mkrtchyan NV. Drawing of the Russian population into large cities and their suburb. Journal of the New Economic Association. 2024;2(63):241-248. DOI: 10.31737/22212264_2024_2_241-248. (in Russ.).
 19. Petukhov NA. Advantages of large cities during population migration. RISK: Resources. Information. Supply. Competition. 2017;(3):125-130. (in Russ.).
 20. Petukhov NA, Goridko NP. Migration attractiveness of large Russian cities. Resources. Information. Supply. Competition. 2017;(4):156-165. (in Russ.).
 21. Bedretdinova EO. Social and economic consequences of migration for the development of small towns. Innovative economy: prospects for development and improvement. 2013;(2):37-42. (in Russ.).
 22. Rogovaya AV, Levchenko NV. Education, employment and leisure as factors of youth migration from small towns. Ojkumena. Regional researches. 2020;(4):23-33. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-4/23-33. (in Russ.).
 23. Loginova LV. Potential of return migration of young Russians to small towns. Scientific research: problems and prospects of development. Collection of articles based on the materials of the All-Russian National Scientific and Practical Conference. Saratov; 2024. P. 119-122. (in Russ.).
 24. Petukhov NA. Migration attractiveness of cities – administrative centers of the Russian Federation. Bulletin of YURGTU (NPI). 2018;(4):8-15. (in Russ.).

Информация об авторах

Иван Алексеевич Соловьев – доктор географических наук, доцент, профессор департамента географии и геоинформатики факультета международных отношений Северо-Кавказского федерального университета. Scopus ID: 57192380969, Researcher ID: JGM-9872-2023.

Юлия Федоровна Зольникова – кандидат географических наук, доцент, доцент департамента географии и геоинформатики факультета международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, Scopus ID: 57219554702.

Данил Геннадьевич Акинин – аспирант департамента географии и геоинформатики факультета международных отношений Северо-Кавказского федерального университета.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Information about the authors

Ivan A. Soloviev – Dr. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Professor of the Department of Geography and Geoinformatics, Faculty of International Relations, North-Caucasus Federal University, Scopus ID: 57192380969, Researcher ID: JGM-9872-2023.

Julia F. Zolnikova – Cand. Sci. (Geogr.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Geography and Geoinformatics, Faculty of International Relations, North-Caucasus Federal University, Scopus ID: 57219554702.

Danil G. Akinin – graduate student, Department of Geography and Geoinformatics, Faculty of International Relations, North-Caucasus Federal University.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.